Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай»

Глобальный «левый бунт»: ожидания и реальность

Олег Барабанов, Даниил Григорьев, Борис Кагарлицкий, Василий Колташов

ru.valdaiclub.com #valdaiclub

Март, 2018

Международный дискуссионный клуб «Валдай» и авторы данного доклада выражают благодарность участникам ситуационного анализа по тематике «левого бунта», организованного на дискуссионной площадке Клуба в октябре 2017 года.

Барабанов Олег Николаевич

Доктор политических наук, профессор РАН, профессор МГИМО, программный директор Международного дискуссионного клуба «Валдай»

Григорьев Даниил Игоревич

Эксперт Центра экономических исследований, Институт глобализации и социальных движений (ИГСО)

Кагарлицкий Борис Юльевич

Кандидат политических наук, директор Института глобализации и социальных движений (ИГСО)

Колташов Василий Георгиевич

Руководитель Центра политэкономических исследований, сотрудник кафедры политической экономии Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова

Рыбин Александр Сергеевич

Корреспондент издания Газета.ru

Этот текст и другие доклады можно скачать на нашем сайте: http://ru.valdaiclub.com/a/reports/

Данный текст отражает личное мнение автора или группы авторов, которое может не совпадать с позицией Клуба, если явно не указано иное.

© Фонд развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай», 2018

Российская Федерация, 115184, Москва, улица Большая Татарская, дом 42

Об авторах

Барабанов Олег Николаевич

Руководитель авторского коллектива Доктор политических наук, профессор РАН, профессор МГИМО, программный директор Международного дискуссионного клуба «Валдай»

Григорьев Даниил Игоревич

Эксперт Центра экономических исследований, Институт глобализации и социальных движений (ИГСО)

Кагарлицкий Борис Юльевич

Кандидат политических наук, директор Института глобализации и социальных движений (ИГСО)

Колташов Василий Георгиевич

Руководитель Центра политэкономических исследований, сотрудник кафедры политической экономии Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова

Содержание

- **3** Введение
- 5 Начало «левого бунта» в Европе и Америке: иллюзии или нет?
- **13** Новые надежды «левого бунта»: Корбин и Меланшон
- **16** Программа Корбина
- 19 Новые классовые интересы?
- 21 Эволюция рабочего класса: мелкие собственники и работающие по найму vs мигранты-новые пролетарии
- 30 Цикличность глобальной экономики: закат эпохи неолиберализма и поворот к новому экономическому курсу?
- **32** Заключение

Введение

Начиная с 2015 г., когда была создана экспертная программа «Глобальные альтернативы», Международный дискуссионный клуб «Валдай» уделяет большое внимание деятельности политических партий и лидеров левого спектра как в странах Запада, так и в мире в целом. Результатом этой работы Клуба стало появление целого ряда аналитических материалов, посвящённых этим вопросам. Например, можно назвать работы Димитриса Константакопулоса о греческой партии СИРИЗА и Алексисе Ципрасе, Ричарда Саквы о Джереми Корбине, Франсин Меструм о противопоставлении концепции общественных благ (public goods) неолиберализму, Радики Десаи о левой геополитической экономии, Бориса Кагарлицкого о роли марксизма в XXI в., Тельмы Луццани о левом повороте в Латинской Америке и т.д.

Затем политические события 2016 г. (Вгехіт и особенно избрание Дональда Трампа) поставили в фокус экспертного внимания уже не левый, а правый поворот. Подготовленный во время избрания Трампа ежегодный доклад Клуба «Валдай» использовал концепты «глобального бунта» и революционной ситуации в мире для анализа происходящих событий. В этой связи одной из экспертных задач Клуба стала подготовка двух новых докладов: о «глобальном правом бунте» и «глобальном левом бунте», в которых рассматривались бы не столько политические перипетии, сколько идеология и социально-экономическая база тенденций к левому и правому повороту от неолиберального мейнстрима. В середине 2017 г. вышел доклад Клуба, посвящённый идеологии трампизма и анализу глобального «правого бунта» Сейчас же эксперты Клуба представляют доклад о «левом бунте».

¹ Константакопулос Д. Уроки греческой трагедии // Валдайская записка №40. Международный дискуссионный клуб «Валдай». Декабрь, 2015. URL: http://ru.valdaiclub.com/files/10778/

² Саква Р. Джереми Корбин и политика трансцендентности // Валдайская записка №39. Международный дискуссионный клуб «Валдай». Декабрь, 2015. URL: http://ru.valdaiclub.com/files/10768/

³ Меструм Ф. Общественное благо: новая альтернатива неолиберализму // Валдайская записка №20. Международный дискуссионный клуб «Валдай». Июнь, 2015. URL: http://ru.valdaiclub.com/files/10949/

⁴ Десаи Р. Геополитическая экономия – предмет для изучения многополярного мира // Валдайская записка №24. Международный дискуссионный клуб «Валдай». Июль, 2015. URL: http://ru.valdaiclub.com/files/10945/

⁵ Кагарлицкий Б. Марксизм в эпоху постглобализации // Валдайская записка №13. Международный дискуссионный клуб «Валдай». Апрель, 2015. URL: http://ru.valdaiclub.com/files/10992/

⁶ Луццани Т. Другая история Латинской Америки // Валдайская записка №31. Международный дискуссионный клуб «Валдай». Октябрь, 2015. URL: http://ru.valdaiclub.com/files/10938/

⁷ Барабанов О., Бордачёв Т., Лукьянов Ф. Суслов Д., Сушенцов А., Тимофеев И. Глобальный бунт и глобальный порядок: революционная ситуация в мире и что с ней делать // Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». Февраль, 2017. URL: http://ru.valdaiclub.com/files/14649/

⁸ Барабанов О., Ефременко Д., Кагарлицкий Б., Колташов В., Телин К. Глобальный «правый бунт»: трампизм и его база // Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». Сентябрь, 2017. URL: http://ru.valdaiclub.com/files/17226/

- Какие объективные социальные и экономические причины делают «левый поворот» востребованным со стороны общества?
- Возможна ли адаптация левого политического дискурса и практик к политике и смысловому полю неолиберального мейнстрима, и насколько эта адаптация эффективна?
- Не выдохся ли «левый бунт» в Европе и других регионах мира после периода его подъёма на рубеже 2000-х и 2010-х гг. Не стоит ли говорить о нём уже только в прошедшем времени?
- Если же «левый бунт» ещё жив и имеет потенциал развития, то какие политические силы и лидеры могут стать драйверами его возрождения?
- Каковы в этой связи основные тренды эволюции социальной, в том числе классовой, структуры общества, способные сделать запрос на «левый поворот» устойчивым в долгосрочной перспективе?
- Можно ли утверждать, что события 2008–2009 гг., а затем 2016–2017 гг. демонстрируют, что мы сталкиваемся с системным кризисом неолиберальной экономической модели, и что этот кризис начал всерьёз отражаться на политическом процессе?

Начало «левого бунта» в Европе и Америке: иллюзии или нет?

Отправной точкой в эволюции современного глобального «левого бунта» является экономический кризис 2008–2009 гг. Именно оттуда берут своё начало многие гражданские движения в Западной Европе. Именно тогда в Нью-Йорке проходит знаменитая акция «Оккупируй Уолл-Стрит», где Славой Жижек произносит известную фразу: «Брачный союз между демократией и капитализмом закончен».

Начало того кризиса вызвало всплеск ожиданий перемен по всему миру. Все заговорили про возможный левый поворот. Левые кейнсианцы и марксисты, также и неокейнсианцы — все дружно критиковали неолиберализм, и большая часть их критических прогнозов реализовывалась. Об этом писали Джозеф Стиглиц, Пол Кругман, Уолден Белло, Сьюзан Джордж. Первые этапы кризиса прошли строго по тем сценариям, который рисовали кейнсианцы. Примерно десять месяцев экономического кризиса очень точно соответствовали их прогнозам. Более того, ещё в 1980-х гг. основные закономерности подобных процессов были описаны Хайманом Мински. Первые действия правительств тоже, вне зависимости от идеологической ориентации, казалось бы, свидетельствовали о начале левого поворота: происходят национализации, запускаются меры по поддержке спроса, внутреннего рынка и занятости. Даже в Соединённых Штатах отступили от жёсткой монетарной политики в сфере финансов — началось так называемое «количественное смягчение».

Раз поворот наметился в эту сторону, то логично предположить, что к власти должны были прийти политики, которые бы соответствовали этому новому экономическому тренду, новым экономическим потребностям. Но как раз в этот момент традиционная социал-демократия продемонстрировала полную беспомощность, свидетельствующую о том, что умеренные левые, да и левые вообще, стали заложниками неолиберализма.

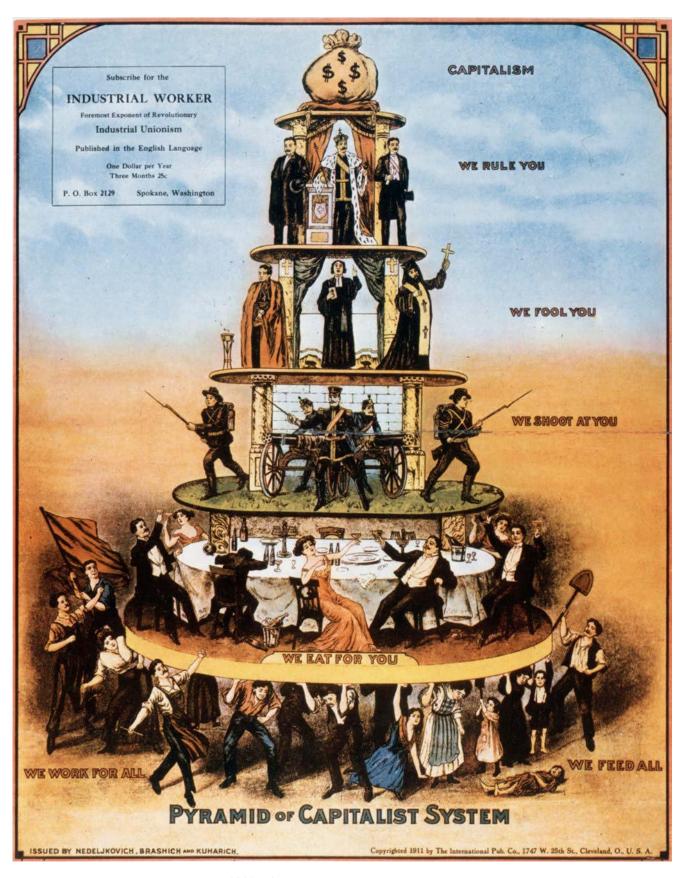
В итоге на определённом этапе развития кризиса возникает своего рода вакуум альтернативы, и появляется шанс для более радикальных политиков, которые, может быть, придя к власти, и не будут проводить очень радикальный курс в плане практических действий. Фактически леворадикальные лозунги могут прикрывать скорее социал-демократический курс, но курс проводимый всерьёз, последовательно.

В это же время левый поворот продолжается в Латинской Америке. Можно было бы предположить, что происходящее там было началом более общего глобального процесса. Неолиберальная модель там была реализована в более радикальной форме, чем в Европе, да и начала внедряться раньше. Неудивительно, что и «бунт» против этой политики там развернулся раньше и в куда большем масштабе. Это привело к власти целый ряд левых правительств: в Венесуэле, Боливии, Эквадоре. Более умеренные правительства были сформированы в Бразилии и Аргентине. Опять же, эти правительства были не так уж радикальны по своей практике. Но по своей риторике они, если не считать Бразилию, все позиционировали себя левее социалдемократии.

Но затем прошло несколько лет, и обнаружилось, что не только не происходит левого поворота в Европе, но и в Латинской Америке начинается отступление левых. Да, появились новые партии, но ни одна из этих новых организаций не пошла по пути формирования более или менее внятного, комплексного политического проекта, опирающегося на практический блок социальных сил.

Выяснилось, что левые не умеют и не хотят заниматься политикой. Если говорить о политике именно как о практической деятельности, которая предполагает не просто выкрикивание лозунгов или академическую работу на конференциях, где будут произноситься очень хорошие доклады, подтверждающиеся реальными событиями, а практическую деятельность по использованию власти ради реализации каких-то масштабных общественных преобразований.

Тем временем неолиберальные правящие круги, опомнившись после первого шока кризиса, начинают вырабатывать собственную антикризисную повестку, которая предполагает, как ни парадоксально, использование кризиса в интересах существующего порядка для углубления тех самых реформ,

Публикация в газете Industrial Worker, 1911 год

что породили нынешние трудности. Тут срабатывает привычная мантра — проблема не в сути реформ, а в их недостаточной радикальности.

В таком подходе есть своеобразная логика. С одной стороны, действительно, в долгосрочной перспективе кризисная ситуация усугубляется, но, с другой стороны, в краткосрочной перспективе такие жёсткие и агрессивные меры, как ни парадоксально, дают определённые результаты. Власти решают, что надо выходить из кризиса за счёт трудящихся. И за счёт определённой части средних слоёв.

В итоге эта политика жёсткой экономии и неолиберального наступления резко контрастировала с политической беспомощностью левых, которые оказались на протяжении примерно 15 лет настолько исключены из практической политики, что просто даже не знали, что с ней делать, когда она вдруг перед ними открылась. Удары пришлись в основном по среднему классу и особенно по тому, что называется «lower middle class», то есть по нижним слоям среднего класса, которые сейчас всё больше радикализируются. Но их радикализация не обязательно принимает форму полевения. Именно поэтому мы получили одновременно «левый» и «правый бунт». Поскольку удар по среднему классу открывает перед ним одновременно и ту, и другую перспективу.

Выбор той или другой перспективы предстал в значительной мере результатом некоторого стечения не всегда случайных, но не абсолютно детерминированных обстоятельств. В этой ситуации средний класс скорее становится озлобленным и дезориентированным, чем консолидированным и осознающим какие-то свои общие цели, классовые интересы. Он стремительно деморализуется и деклассируется, по сути. Таким образом, мы получили ситуацию одновременного «левого» и «правого бунта» притом, что левые оказались политически некомпетентны. И даже там, где они побеждали на выборах, как это было в Греции с партией СИРИЗА, они были абсолютно не готовы к власти, не готовы заниматься тем комплексом реальных проблем, которые возникают у всех, кто пришёл к власти в условиях кризиса.

Это сочетание радикальной риторики с довольно умеренными прагматическими (а то и приспособленческими) программами создаёт своего рода политический парадокс. Речь идёт не о том, что обещают больше, чем делают, или что радикальная программа не выполнятся, как это раньше часто бывало

с левыми в условиях парламентской демократии. Речь о том, что крайне умеренная программа подаётся (и воспринимается обществом) как нечто крайне радикальное, совершенно революционное. Но потом и это не выполняется.

Между тем в условиях кризиса требуется, зачастую, ровно обратное. То есть те, кто приходит к власти в условиях кризиса и хотят реально что-то изменить и удержаться у власти, должны бороться за власть с довольно умеренной риторикой, чтобы завоевать максимально широкую базу. Но при этом быть готовыми к гораздо более радикальным практическим мерам, чем то, что предполагалось первоначально. Просто потому, что острота кризиса будет требовать решительности и масштабных преобразований.

Тем не менее западным левым именно решительности и не хватает. И им не удаётся реализовать даже весьма умеренную программу. Хотя кризис углубляется, и объективно спрос на радикализм растёт. Но не на радикализм риторики, а на радикализм действия. Левые же действовать боятся и вместо этого наращивают градус риторики.

Для того, чтобы изменить ситуацию, они должны мобилизовать политическую волю, которая будет направлена на практические экономические и социальные преобразования. Никому не известно, чем они кончатся, но политическая ситуация требует идти на риск. Собственно говоря, чем отличаются те, кто побеждает в условиях кризиса? Это люди, умеющие рисковать. И умеющие совершать решительные и необратимые действия.

Именно поэтому мы получили одновременно «левый» и «правый бунт»

Левые же продемонстрировали ровно обратные качества по всем позициям. Мы получаем, с одной стороны, всплеск левых настроений, идущий параллельно со всплеском правых. Но правые оказываются в большей степени хотя бы иногда способными консолидировать свои результаты. Левые даже там, где они эти результаты консолидируют, как в Греции, своими дальнейшими действиями разрушают собственный проект.

Большое счастье для левых, что греческий провал партии СИРИЗА не стал катастрофой в масштабах всей Европы и всего мира, а оказался локализован только южноевропейским пространством. Хотя, например, то, что случилось с «Подемос» в Испании, где движение, аналогичное партии

СИРИЗА, должно было прийти к власти, но так и не получило её, чётко связано с исходом дела в Греции. Поскольку Греция на несколько месяцев опережала Испанию и по политическому, и по экономическому процессу, то испанцы могли просто посмотреть на греческий эксперимент. А посмотрев, решили не повторять его у себя, и популярность «Подемос» начала стремительно падать.

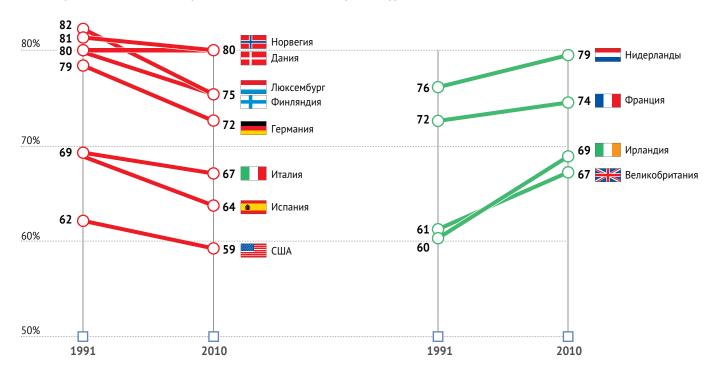
Движение «Подемос» сознательно идентифицировало себя с партией СИРИЗА и пыталось на себя примерить её успехи, а в результате примерило на себя её поражение и её предательство. В итоге «Подемос» из партии, которая буквально за несколько месяцев до начала греческой эпопеи воспринималась как совершенно неминуемый победитель ближайших выборов, превратилась в партию, которая укрепляет свои позиции, но при этом остаётся маргинальным фактором в контексте испанской политики. Это партия, которой избиратель не хочет доверить власть. А главной темой испанской политики вместо левого поворота стал каталонский сепаратизм.

Всё это происходит ещё на фоне кризиса левых правительств в Латинской Америке. Правительства Венесуэлы, Боливии, Эквадора, находясь у власти достаточно долго, вынуждены нести издержки глобального кризиса. Ведь кризис бьёт по любому правительству — и левому, и правому. Но он и выявляет все недостатки, слабости той модели, которая существовала в Латинской Америке, в частности, в её левом варианте. Очень полезно в этом плане прочитать работы Эдгардо Ландера, венесуэльского исследователя, который очень хорошо показал, что кризис венесуэльской модели «экстрактивизма» (экономики, построенной на извлечении природных ресурсов для внешнего рынка) начался ещё до Уго Чавеса, не был преодолён, а был лишь смягчён его администрацией, а потом вновь обострился при администрации Николаса Мадуро. Иными словами, левые не реформировали экономическую систему, а выступили в некотором смысле консервативной силой, которая позволила этой деградирующей системе продержаться дольше.

«Экстрактивизм» принят как факт и другими латиноамериканскими правительствами, в том числе Боливии и Эквадора. Вместо того, чтобы его преодолеть, они пытаются совершить социальную модернизацию общества на его основе. Если раньше плоды данной экономической модели доставались очень небольшой группе олигархической элиты, то левый поворот Латинской Америки перераспределил ресурсы в пользу более бедных слоёв населения. Он сделал эту экономику в глазах населения более справедливой и более

СОКРАЩЕНИЕ СРЕДНЕГО КЛАССА В СТРАНАХ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

Доля взрослого населения, живущего в домохозяйствах со средним уровнем дохода

Источник: Pew Research Center на основе национальной статистики, предоставленной Люксембургским центром межстрановой статистики (LIS).

легитимной, не решив при этом ни одной проблемы структурного характера. И тем самым продлил жизнь, в общем, уже заведомо обречённой модели.

Кризис на следующем этапе привёл к тому, что эта модель всё равно начала разрушаться, поскольку рынки сбыта переполнены, а внутренний рынок не стал движущей силой экономики. Могла бы сработать региональная интеграция, но, во-первых, её заблокировала Бразилия (тоже, вроде бы страна с левым правительством в 2000-е гг.), а во-вторых, структурные задачи интеграции не были сформулированы, тем более — не были реализованы. Задачи практического развития были подменены риторикой.

Задача левых в Латинской Америке должна была состоять не в перераспределении ресурсов от уже существующей модели, а в радикальном изменении модели развития. Но именно этого левые не сделали. Провал латиноамериканской интеграции полностью является результатом политики левых правительств, которые её пропагандировали, но не захотели осуществлять на практике из-за своих локальных интересов.

Если бы в 2000-е гг. левые в Латинской Америке пошли бы по пути структурных реформ, то, возможно, на первом этапе им было бы труднее удержать лояльность масс, ожидавших перераспределения. Ведь ресурсы надо было бы бросить на структурную перестройку экономики, на инвестиции. Но в этом случае сейчас они не были бы в столь тяжёлой ситуации, а были бы готовы к кризису. Кстати, международные эксперты, как и сами венесуэльцы, призывавшие выбрать такой путь, были отстранены от участия в принятии решений. Возобладала другая партия. Можно сказать, что венесуэльские «бухарины» победили и «троцких», и «сталиных». Такой своеобразный ретро-эксперимент был проведён. И результат получился плачевный.

Кризис левого проекта в Латинской Америке очень показателен. Он естественно также ударил рикошетом по Западной Европе и по всему третьему миру, где левые долго пытались эксплуатировать латиноамериканскую «романтику». В результате повестку «бунта» начали реализовывать не левые, а правые популисты.

Успех «правого бунта» в значительной мере связан ещё и с тем, что он начинает перехватывать социальную повестку левых, которую сами левые реализовать не решились. В наиболее яркой форме это реализуется во Франции, где Марин Ле Пен просто привлекает к себе экспертов, перешедших из левого движения в её «Национальный фронт» (НФ). Они пытаются придать «Национальному фронту» характер народной, а не правой партии. И фактически смещают его влево, при этом сохраняя консервативную традицию. На идеологическом уровне они смещают партию от вишизма к голлизму. Причём к левому голлизму.

Дональд Трамп, как мы знаем, пришёл к власти благодаря голосам рабочих и под целый ряд обещаний, которые никто иной, как Том Франк, известный американский социолог и политолог, охарактеризовал как последовательно левый дискурс. Франк прямо пишет: Трамп взял нашу риторику, наши идеи, нашу повестку. Правда, как Том Франк, так и опыт справедливо доказывают, что Трамп не сможет это реализовать. А Берни Сандерс, который представлял себя в качестве олицетворения «левого бунта» в США, вроде бы был готов более последовательно осуществлять перемены из Белого Дома, но в борьбе за власть он оказался менее последовательным, менее решительным, чем Трамп. И проиграл.

На этом фоне вполне логична и неудача Левой партии в Германии (Die Linke), которая не пошла по пути радикального популистского «бунта» даже на уровне риторики. Она пошла по другому пути: партия по сути вообще ничего не делала. Это очень хороший способ пережить кризис. Четыре года, будучи главной партией оппозиции в бундестаге, они бездействовали. И не потеряли ни одного голоса. Но и не приобрели. А весь протестный электорат ушёл к правым популистам из «Альтернативы для Германии».

В итоге становится всё более очевидно, что правые заимствуют значительную часть повестки левых, а сами левые упорно не хотят этого признавать. И, более того, они категорически не хотят читать документы правых популистов. Не хотят вникать в то, что там написано. Не хотят разговаривать со своими собственными избирателями, которые ушли к правым популистам. Они заняли совершенно страусовую позицию: просто не хотят этого видеть и не хотят иметь с этим дело.

На фоне усугубляющихся неудач и фрустраций среди западных левых усиливается противоположная тенденция. Они уже не только не пытаются бросать вызов неолиберализму, но наоборот, превращаются в защитников этой модели, которая воспринимается ими как «меньшее зло» по сравнению с правым популизмом. Однако чем более правый популизм начинает повторять лозунги и идеи левых, тем более решительно левые начинают отстаивать статус-кво, выступая фактически как союзник неолиберального истеблициента.

Новые надежды «левого бунта»: Корбин и Меланшон

Таким образом, может создаться впечатление, что «левый бунт» себя исчерпал, «выдохся», строго говоря, не начавшись. К счастью, всё обстоит несколько сложнее. На фоне общего поражения появилось, по крайней мере, два светлых пятна, которые постепенно начинают отбрасывать свет уже на всю остальную картину. Это левый лейбористский проект Джереми Корбина и внезапный взлёт Жан-Люка Меланшона.

Вопрос в том, до какой степени оба эти политика опираются на предшествовавшую траекторию развития левого движения, а в какой — меняют её, сознательно или бессознательно. Заметим, что если Корбина левая интеллигенция в Англии, хоть и со скрипом, но приняла, потому что не было альтернативы, а его успех был столь очевиден, внезапен и столь ярок, что возразить было нечего, то Меланшона сразу же обвинили в популизме, национализме, вождизме и вообще во всех возможных грешных «измах».

Тем не менее сейчас критика «слева» по отношению и к Корбину всё больше нарастает, и нарастает ровно в той мере, в какой он добивается реальных успехов. Именно то, что в политике и риторике Корбина делает его реально популярным в массах, отражает действительные настроения значительной части британского общества, особенно — его низов, именно это и вызывает раздражение и осуждение левых интеллектуалов. Чем больше Корбин пользуется поддержкой рабочих, рядовых избирателей, низшей части среднего класса, тем хуже. Это воспринимается как уступка популизму, или даже как отказ от ценностей левых. Причём самая парадоксальная вещь, что под ценностями левых понимаются как раз ценности либерализма, которые уже настолько усвоены левыми, что они воспринимаются как свои собственные.

Классический пример — ужас, который вызвала в Британии успешная деятельность Корбина в Шотландии. Почему? Потому что успех Корбина привёл к серьёзному упадку шотландского национализма. На самом деле, мы прекрасно понимаем, что многие избиратели, которые голосовали за шотландских националистов, сделали это в пику Лондону, а не потому, что они полностью разделяли идеологию шотландского национализма. Зато в Лондоне шотландский национализм вызывает бурный восторг левых интеллектуалов, не имеющих никакого отношения к Шотландии. Мол, нужно в принципе, при любых обстоятельствах поддерживать национализм малого народа против «имперского государства».

Меньшинство всегда нужно поддерживать и защищать. Это главный принцип либерализма, взятый на вооружение левыми английскими интеллектуалами. Не важно, какова классовая природа шотландского национализма, какая у него содержательная программа, как это отразится на положении трудящихся в Шотландии и Англии. Иными словами, левые должны работать на проект местечковой буржуазии и бюрократии, обманывая и дезориентируя трудящихся.

Всё это далеко не безобидно. Арифметический расчёт показывает, что Корбину для того, чтобы выиграть в Великобритании, нужны голоса шотландцев. Следовательно, он должен бороться за Шотландию. Более того, если левые не завоюют Шотландию, если Шотландия не вернёт себе статус важного фактора общебританской политики (фактор, работающий на левых), то у левых просто не будет шансов победить в национальном масштабе. Левых же интеллектуалов (или точнее, уже по факту не левых, а леволиберальных) совершенно не интересует практическая политика и то, что случится с их собственной страной, поскольку любые потрясения лишь создают новые поводы для удобной «критики».

Аналогичная история и с Меланшоном, который начал делать с «Национальным фронтом» то же самое, что «Национальный фронт» раньше делал с левыми. Он начал перехватывать повестку НФ, выворачивая её, так сказать, в левую сторону. У Меланшона это получается довольно органично, потому что первоначально эта повестка была именно классически левой. Он начинает возвращаться к левой классике. Это же отличает и Корбина. Ключевая идея и Меланшона, и Корбина — это возврат к левой классике. Левых интеллектуалов

Классы никуда не делись, но сегодня они уже не такие, какими были в 1900-е гг.

это пугает, поскольку это конец их идеологической монополии и покушение на их свободу манипулировать политикой через контроль над дискурсом. Но это работает и у Корбина, и у Меланшона, так что интеллектуалам придётся смириться.

Что перспективе? Во-первых, отличает эти движения В то, что они пытаются объединить вокруг себя определённый социальный блок и ориентируются всё-таки на борьбу за власть. Причём не на борьбу за министерские кресла, а именно на борьбу за власть как контроль над какими-то процессами. И власть в интересах определённого социального блока. Во-вторых, они, не порывая прямо с логикой и идеологией политкорректности, стараются от неё уйти. Лидеры, подобные Корбину и Меланшону, пытаются увести дискуссию вообще в другую плоскость. В-третьих, они пытаются переформулировать понятие солидарности и классовой борьбы, исходя из изменившихся классов буржуазного общества. Классы никуда не делись, но сегодня они уже не такие, какими были в 1900-е гг.

После того, как Дональд Трамп потерял целый год, так и не осуществив серьёзных перемен в интересах своих избирателей, после того, как не добилась успеха Марин Ле Пен на президентских выборах во Франции, а правые популисты потерпели ряд последовательных поражений на выборах Западной Европы — ситуация меняется. Возникло ощущение, что теперь уже «правый бунт» выдыхается.

Из-за специфической социальной и идеологической конфигурации правого популистского блока он оказывается не в состоянии реализовать свои собственные лозунги. Чтобы сделать это, он должен в значительной мере порвать с буржуазными интересами и принципами. А тогда он перестанет быть правым — он станет левым.

Если раньше левых обвиняли в неконструктивности, в том, что дискурс для них заменил любые практические предложения, то сейчас понемногу стала возникать противоположная тенденция. В этом стали обвинять правых. И тогда появляется новая линия, которую можно определить как попытку левых представить себя в виде конструктивных бунтарей. Напомним ещё раз, в условиях кризиса сочетание радикальной риторики с умеренными предложениями не является хорошим ответом. Скорее, хорошим ответом является ровно противоположная политика: сочетание относительно умеренной риторики, адресованной широкому кругу людей, конкретно заинтересованных в переменах, с готовностью на более радикальные меры. Насколько эта позиция восторжествует — непонятно (ни Корбин, ни Меланшон (пока) не у власти). Но тут открывается совершенно новая перспектива, которая, очевидно, будет нарастать на протяжении ближайших лет.

Программа Корбина

Если обратиться к деталям, то в деятельности лейбористов под предводительством Джереми Корбина большую роль сыграла их программа, программный манифест, который насчитывает больше 100 страниц и имеет очень характерное название: «For the Many, Not the Few». В нём красной нитью через каждый смысловой блок проходит мысль, что экономика работала неправильно, она работала для меньшинства. А мы хотим, чтобы экономика работала для большинства.

И в целом чтобы социальная структура была налажена так, чтобы преимущества из неё могли извлекать все, а не только избранные, располагающие наибольшей властью.

В этой программе очень много тем. Сам текст начинается с того, что они признают себя достаточно умеренными деятелями, которые считают, что благополучие общества зависит от всех: от работодателей, инвесторов, государства, работников, но... И дальше начинаются «но», где критикуется вся предыдущая политика: критикуется евроинтеграция; говорится о том, что глобализация уничтожает местные сообщества; уничтожает местные рынки труда, потому что демонтируются торговые и производственные цепочки, предприятия и так далее.

И среди именно экономических задач, которые они перед собой ставят, — радикальная инфраструктурная модернизация Великобритании. Например, проведение новых высокоскоростных линий железнодорожного сообщения по всей стране. Также планируется создать инвестиционный фонд и в течение десяти лет вложить порядка £250 млрд для реформы энергетической системы, обеспечения всеобщего и доступного 4G и 5G интернет-покрытия и прочее.

Далее, одно из ведущих мест в программе Корбина занимает более прогрессивная система здравоохранения. Выступают они и за абсолютно бесплатное высшее образование. Аргументируется это следующим образом: в Северной Европе ведь есть бесплатное высшее образование? А почему у нас нет? Почему у нас студенты, когда заканчивают обучение, имеют долг уже по £40 тысяч в среднем, который они накопили за время обучения. Это неправильно. Мы так не хотим, мы не должны позволять такому обществу существовать.

Очень интересен вопрос о собственности, потому что, да, мы, конечно, за частную собственность, но расширение частной собственности обернулось для Британии лишь проблемами. А мы (то есть, лейбористы) за национализацию. И приводятся конкретные примеры. Например, мы частично приватизировали водоснабжение. Что случилось? Хуже качество, выше цены. Была частично приватизирована энергетика. Что случилось? Хуже качество, выше цены. Также были частично приватизированы железные дороги. Что случилось? Хуже качество, выше цены. И так далее. Началась частичная

приватизация почты — то же самое: ухудшается качество услуг, увеличивается их стоимость. Поэтому, как утверждается, лейбористы видят своей задачей расширение общественного сектора, остановку приватизации, а там, где она была совершена — её отмену и обратную национализацию. Это очень большой поворот.

Есть в программе Корбина, конечно, раздел и о мигрантах, но там сказано: мы беженцам не отказываем, и всем остальным, однако сами мигранты должны быть включены в британское общество. Если будет развиваться всё британское общество, если будет развиваться экономика, создаваться новые рабочие места, то всё будет хорошо. Ни у кого не будет проблем с мигрантами и так далее. Это является разумным подходом, не допускающим фактического исключения прибывающих мигрантов как из формальной экономики, так и вообще культурной, гражданской жизни британского общества.

В программе встречаются некоторые нюансы. В ней прописано стремление к сбалансированному бюджету, чтобы государство не накапливало большой долг. Однако по факту государственный долг не является проблемой, потому что, если это относительно независимая зона, всегда можно совершить дополнительную эмиссию, и, более того, дополнительная эмиссия с целью инвестирования не является проблемой, если она обеспечена производством соответствующих товаров и услуг.

Почему это очень характерно? Потому что на примере Терезы Мэй, которую даже называют лидером красных тори, этот дискурс становится всё более популярен даже среди консерваторов. Например, если прочесть какую-то программу или речь Мэй, можно заметить идеи о том, что образование должно стать более доступным в финансовом отношении.

Таким образом, отношение к роли государства меняется фундаментально. Уже никто не говорит о том, чтобы просто убрать государство – и всё само собой наладится. Тем самым по крайней мере в идеологическом смысле Корбину уже удалось совершить серьёзный левый поворот в политическом мышлении в Великобритании.

Новые классовые интересы?

Как мы отметили выше, левое движение сейчас находится на пороге нового, очень серьёзного размежевания. Реалии социальных процессов говорят о том, что нынешний кризис должен быть преодолён за счёт отказа от либерально-прогрессистского дискурса во имя политики новых классовых интересов. Это уже сейчас более или менее осознаётся, но поворот к классовой политике часто пытаются просто симулировать. Например, по каждому поводу используют прилагательное «классовый», ничего не меняя по сути. Говорят о «классовом экологизме» и «классовом ЛГБТ-движении». В чём проявляется его классовая природа? Просто в лёгкой корректировке риторики.

Это, конечно, не спасёт. Политика новых классовых интересов не может быть реализована на языке политкорректности, левого либерализма и радикального постмодернизма в духе Майкла Хардта и Антонио Негри. Для успеха этой новой политики со всем этим надо решительно порвать. Но и в формах классического коминтерновского марксизма или классической социал-демократии уже никакого успеха не получится, потому что современные социально-классовые структуры изменились.

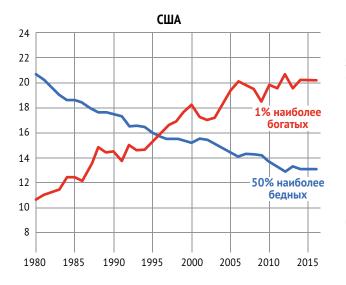
Общественная собственность возвращается как инструмент решения конкретных вопросов

Язык классического марксизма 1920-х гг. — это язык политического мейнстрима, язык массовых движений на котором говорили люди, находящиеся у власти. Сегодня же это язык маргинальных групп. Надо понимать, что, когда вы начинаете говорить на подобном языке в 2017 г. — рабочий класс не будет его воспринимать, потому что он ему чужд.

Язык и концепция классовой борьбы должны быть переформулированы исходя из текущих противоречий, проблем и потребностей трудящихся классов. С одной стороны, мы наблюдаем возвращение к классу как центральной категории политики, возвращение к Марксу, возвращение к классовой риторике. Но с другой стороны, это возвращение к классовой повестке должно быть основано на переосмыслении текущих классовых интересов. Это отчасти и происходит.

Ключевыми темами в этом контексте становятся солидарность, общественная собственность, социализация инвестиций, поддержка производства. Причём общественная собственность возвращается как инструмент решения конкретных вопросов. Здесь можно говорить о транспорте и инфраструктуре, можно говорить о «public goods», можно говорить об инвестициях в науку и пр. Ключевой тут выступает не идея национализации ради национализации, или отстаивание некоего абстрактного принципа, через который мы построим качественно другое общество. Нет, национализация предлагается в качестве решения конкретных проблем, не решаемых рынком. Как ни парадоксально для классического левого дискурса, здесь надо идти не от Ленина, а от Шумпетера, реагируя на «market failure» на провал рынка. Или вернее, тут интересен Ленин-практик 1918 и 1921 гг., а не Ленин-идеолог. Левые очень ценят Ленина-идеолога, пишущего «Государство и революцию», а вот Ленин-практик, управляющий государством, им меньше нравится. Он груб, прагматичен и авторитарен. Но провал первой фазы левого поворота вынуждает думать о том, как практика диктует свои требования теории. Поэтому новым левым надо готовить возвращение общественного сектора там, где есть реальный провал рынка. И это поддержат не только социалисты и коммунисты, но и любой человек, который сталкивается с кризисом приватизированного водоснабжения, с несостоятельностью неолиберальных реформ в науке или образовании, с дороговизной проезда на транспорте, с дефицитом жилья и т.д.

НЕРАВЕНСТВО В США И СТРАНАХ ЕВРОПЫ. 1980-2016

Источник: World Inequality Report 2018.

Эволюция рабочего класса: мелкие собственники и работающие по найму vs мигранты-новые пролетарии

Одним из важнейших вопросов левого дискурса сегодня является вопрос о том, что представляет собой рабочий класс. Если бы современное общество стояло на пороге коммунизма, то на этом пороге оно оказалось бы с огромным количеством собственности. Современный рабочий класс принципиально отличается от рабочего класса 1920-х гг. тем, что он либо уже «оброс» значительным количеством имущества (у него есть квартира, машина, дача — в случае россиян), либо он находится в процессе обретения этого имущества. На нём висит ипотека, что тяжело и неприятно, но всё-таки это ведёт трудящегося по пути накопления материальных благ.

Поэтому, если вдруг человечество реально окажется на пороге нового общественного строя, на пороге будут стоять не угнетённые в цепях, а мелкие собственники, работающие по найму. Сейчас же тот факт, что представители рабочего класса накопили в Европе, Северной Америке и даже уже в Азии такое количество имущества, или ещё только приобретают первое недвижимое имущество, и создаёт уникальные политические условия современности.

Нынешний «левый бунт», или левое «бурчание», или правый бунт и правое «бурчание» (как низовое движение, например, в США), являются проявлением социально недовольства этих мелких собственников/потребителей, работающих по найму. Эти люди в отличие от классического марксизма не считают, что им, кроме цепей, терять нечего. Совсем так не считают. У них много чего есть кроме описанных Карлом Марксом цепей. Разразившийся в 2008 г. экономический кризис вызвал не только падение реальных доходов наёмных работников в большинстве стран мира, но и, как мы отметили выше, усиление неолиберальной политики. Если ранее власти призывали приобретать, то теперь они стремятся облагать налогами имущество физических лиц, особенно живущих главным образом продажей своей рабочей силы.

В этих условиях со стороны некоторых неолиберальных экономистов звучат призывы вернуть рабочих в их прежнее состояние. Имущество воспринимается капиталом как нечто излишнее, защищающее работника от нажима менеджмента («Продам машину, а на такую работу не пойду!») с целью повышения эксплуатации, в том числе через рост интенсивности труда. Между тем собственническое положение наёмного работника требует от него времени на решения вопросов с гаражом, контролем над управленцами дачного кооператива, решения вопросов с управляющей компанией дома и тому подобным. Через государство капитал старается отвратить наёмного работника от излишнего с его точки зрения обладания, заодно переложив на него больше налогов и издержек далеко не рациональной бюрократической машины.

Возникающие в итоге хлопоты приводят мелкого собственника в бешенство, вовсе не отвращая его от ранее воспетого теми же либералами накопления. Отсюда и берётся «левый бунт», часто принимающий форму консервативного и даже радикального патриотического протеста, трактуемого как «правый бунт».

Естественно, это создаёт особый накал, потому что имущество у нового рабочего класса уже есть, и он не хочет его терять. Наблюдаемая ситуация далека от положения времён Парижской коммуны 1871 г., когда пролетарии сдали в ломбарды свои матрацы, и положение стало таково, что у них вообще ничего не осталось: ни денег, ни кофе, ни хлеба — ничего, кроме одежды рабочих в условиях безработицы. Положение ныне явно иное. Несмотря на растущее недовольство, сознание людей таково, что они настроены осмотрительно. Порой, как в случае с Грецией и партией СИРИЗА, кажущийся грозным бунт оборачивается параличом.

Пример Греции очень важен, поскольку эта страна с 2008 г. была лабораторией неолиберальной «антикризисной» политики в Европе. В этой стране экономический рост 1980–2000-х гг. привёл к созданию весьма благоустроенного рабочего класса. Он был шокирован, когда либеральные еврочиновники объявили: «Так, имущество? А налоги вы с него какие платите? С домов какие у вас налоги? А вот вы много денег тратите на какие-то покупки. А, ну-ка, отчитайтесь по всем своим расходам в супермаркете! Вы все чеки сохраняете или не все? Будете все сохранять и дрожать, чтобы вас не обвинили в укрывательстве доходов от обложения».

Европейский союз прописал Греции в разгар кризиса очень жёсткие меры, бьющие по благополучию рабочего класса и его имущественной опоре. Возник страх: греков обязали сохранять чеки от всех покупок, на случай если гражданина захотят тряхнуть налоговики. Конечно, они не трясут, конечно, это всё так и осталось угрозой, по крайней мере пока. Но это создавало у людей неприятное душевное состояние. Его ещё более усугубляли новые налоги.

Налог на имущество физических лиц, возможно, является главным налогом-проблемой для трудящихся. В России они ещё далеки от осознания этого, в силу малого, пробного размера налога. В дальнейшем же он будет восприниматься как проблема. Это приведёт к рефлексии в следующей форме: человек работал, копил деньги, выплачивал кредит и проценты банку и, наконец, купил жильё, а следом приходят чиновники и требуют уплаты налога с имущества, приобретённого на доходы, с которых уже были уплачены все налоги. Итог рефлексии — это осознание факта несправедливого налога. Жильё или иное имущество является источником объективно необходимых расходов, а государство требует с него ещё и налог.

В итоге формируется важный компонент «левого бунта». Интересно и то, что государство уклоняется от обложения налогами пустующего или сдаваемого в аренду жилья. Оно идёт по лёгкому пути: облагается налогами всё, что удобно подсчитать. Притом разрабатывающие новые меры либеральные экономисты не задумываются над политическим смыслом прямых налогов. Они же не просто заставляют человека прямо отдавать заработанные средства, но и ощущать несправедливость всего этого. Особенно сильным является это чувство в условиях коммерциализации социальной сферы, поскольку эта политика толкает людей на дополнительные расходы, что повышает чувствительность к всевозможным бесполезным тратам, таким как уплата прямых налогов.

Положение осложняется снижением реальных и номинальных доходов трудящихся. Кредит не компенсирует этого. Под влиянием глобального кризиса ЕС пережил в последние годы снижение номинальной заработной платы и ослабление евро к доллару. В России и странах СНГ произошли мощные девальвации, а во многих сферах также снижение номинальной оплаты. Американцы ощутили снижение доходов, которое с 2008 по 2018 гг. порой оценивают в 30%. Официальной статистике не было выгодно

показывать эти изменения. Однако это никак не могло остановить вызревание «левого бунта», являющегося во многом мелкобуржуазным по своему духу и природе.

Эта мелкобуржуазность связана не с тем, что люди зарабатывают деньги как мелкие предприниматели. У них есть имущество, которое воспринимается ими как противовес эксплуатации. Они продают в основном свою рабочую силу, но делают это в стремлении достичь более комфортной и эффектной (демонстративное потребление) повседневной жизни. Они считают обладание многочисленным имуществом необходимым и нормальным. Они тем более тяготеют к накоплению, что видят прибытие нового пролетариата (мигрантов) в свои страны, потому что капитал ими недоволен как недостаточно гибкими, с его точки зрения.

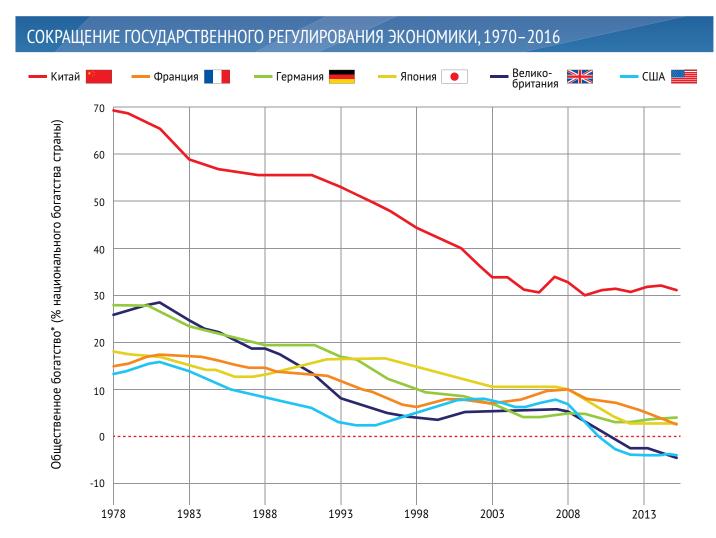
Собственность и денежные накопления выступают своего рода заменой профсоюза. Только этот индивидуальный щит оказывается уязвимым, что рождает сперва недовольство (бунт как крайняя форма), а затем потребность в солидаризации людей в новом политическом движении.

Претензии работодателей к старому рабочему классу, переставшему быть пролетариатом в смысле слоя неимущих рабочих — понятны. Как представители старого рабочего класса ведут себя на рынке? Как они ведут себя на рабочем месте? Они больше не имеют того страха потери рабочего места, той исполнительности, той демонстративной погружённости в работу, которую имели, когда у них были только цепи. Причём дело не только в хлопотах с благоустройством квартир или дач. Появление детей создаёт родителям много проблем. Либеральные реформы усилили их невероятно. Однако капитал видит решение в завозе новых работников — пролетариев из бедных стран. Они имеют те самые цепи, замеченные ещё до Маркса, и железную необходимость выжить в мире, где у них нет почти никакого значимого имущества.

С точки зрения буржуазии, старый рабочий класс испорчен. Его «испорченность» усугубляется социальной и трудовой защищённостью, которую обеспечивают законы, демократические порядки и сильные профессиональные союзы в тех странах, где они имеются. Потому неолиберальные реформы направлены на то, чтобы вернуть рабочий класс в его первозданное состояние. Однако из этого не следует вывод, будто бы имущая часть

наёмных работников настроена вести борьбу за уничтожение капитализма. Когда в 1860-е гг. аналогичная группа рабочих (рабочая аристократия в терминологии марксизма) получила избирательное право в Англии, поскольку владела жильём, то проявились её реформистские, а не революционные установки.

Вторая парламентская реформа в Англии (1867 г.) предоставила избирательное право мужчинам с более-менее высокой оплатой труда или доходом от собственной ремесленной или торговой деятельности. Это на первом этапе привело к победе либеральной партии, но затем голоса ушли к консерваторам, выступавшим за социальный компромисс. Эта группа населения (базовый для демократии демос, в античной трактовке)

^{*}Имеется в виду *нетто-общественное богатство*, то есть стоимость активов в собственности государства минус государственный долг. Источник: World Inequality Report 2018.

иначе воспринимала себя, нежели массовый бедный рабочий класс. Важно и то, что наличие имущества и относительного достатка способствовало расцвету патриотических чувств. Но связано это было ещё и с тем, что выходцы из таких семей получили возможность продвинуться выше родителей по социальной лестнице, реализовав себя в разных сферах (военной и административной, коммерческой и профессиональной). Всё это оздоровило и укрепило государство.

Аналогичная, но более массовая социальная группа в современных условиях находится под нарастающим нажимом буржуазной элиты. Она в лице политиков-неолибералов стремится выдавить прорвавшийся слой вниз. Эта блокада, навязывание расходов на здравоохранение, образование и прочие «услуги» государства, налоговое давление — всё это вызывает снижение уровня жизни данного слоя, фактически разоряя и весь средний класс как базовую для экономики потребительскую группу.

Итоговое возмущение приобретает и левый, и патриотический окрас, так как одновременно воспринимается как посягательства на свободы и права, а также привычные достоинства родины. Именно поэтому в США в 2016 г. потоки сторонников социал-демократа Берни Сандерса и мятежника-республиканца Дональда Трампа соединились, несмотря на всю социальную демагогию кандидата финансистов Хиллари Клинтон.

Всё это указывает на серьёзнейшую проблему маркеров — определения левизны и правизны, производимого по культурным признакам. Между тем на первом месте находится отражение политическими силами материальных интересов своего класса. Классические левые и левые либерального толка (дискурсивные, игнорирующие интересы рабочих) оказываются разными. Либеральные левые являются не более чем левым крылом широкой неолиберальной партии. Классические же левые имеют в своём составе ортодоксальный компонент, доктринёрское течение, не интересующееся реалиями жизни, потребностями и интересами класса, который берутся политически представлять.

Либеральным левым все эти проблемы не кажутся серьёзными, так как для них важна защита прав меньшинств и соединение усилий этих групп — главная задача, которая не требует рассуждений. С их точки зрения рабочий класс загнивает или утратил своё значение. Левые либерального

толка говорят о некоем абстрактном лучшем обществе, об интересах групп и человека. Они стараются обходить вопросы национальных интересов и интересов рабочего класса, во всяком случае, они не говорят о них так, как делали это традиционные левые до начала в 1980-е гг. — неолиберальной эпохи.

В крупных городах России многие представители старого рабочего класса (в вышеуказанном нами смысле) использовали экономический подъём для превращения в рантье. Они покупали строящееся жилье и сдавали его в аренду, действуя по примеру своих английских или иных зарубежных собратьев по классу, которые даже лишнюю комнату в доме стремятся сдать в аренду. Особенно заметен успех этой модели обуржуазивания в Москве. Здесь сыграло большую роль и получение людьми приватизированных квартир в наслед-

Либеральные левые являются не более чем левым крылом широкой неолиберальной партии

ство от бабушек и дедушек. В России налоги не препятствовали процессу превращения наёмных работников в рантье. Рост корпоративной системы, сервисных, торговых и прочих компаний дал огромное количество офисных рабочих мест. Занявшие их россияне освободили рабочие места для иностранных рабочих.

На Западе сходные процессы достигли кульминации гораздо раньше, чем в России. Они завершились к началу 2000-х гг., оставив массу молодых людей без перспективы и подтолкнув её к «левому бунту», то есть к сознательному сопротивлению неолиберальной политике ЕС, США или администрации другого государства. Немаловажно и то, что в Европе и Северной Америке капитализм выдавил молодёжь вниз, на этажи более низкой оплаты, тогда как более высокие этажи остались за представителями старшего поколения.

В Европе и Северной Америке либеральные левые обращаются к вопросу индивидуальных прав, личных прав и прав меньшинств. Неприятие войны, отказ от революции и осуждение насилия вообще — характерные черты современных либеральных левых, порождённых эрой неолиберализма (1982–2008 гг.) и вписанных в неолиберальную повестку. Однако в целом они ничего не могут предложить людям, ощущающим необходимость консолидации по вопросам общей социальной и экономической политики.

С началом мирового кризиса 2008 г. неолибералы пошли по пути изъятия социальных гарантий и материальных благ у рабочего класса. Эта политика реализуется в различной степени в разных странах, но она является общим «антикризисным» курсом. Его суть: уменьшить издержки компаний и государства, часто обременённого долгами, и принудить наёмных работников принять худшие условия труда. Рост потребительского и ипотечного кредитования в этих условиях только маскирует бедственное положение среднего класса и более бедных рабочих. Это положение в одинаковой мере подталкивает людей к поддержке политических сил, маркируемых как левые или правые.

В эпоху неолиберальной глобализации была принята определённая культурная идентификация политических сил. Так, под левыми было принято понимать не сторонников интересов рабочего класса, а тех, кто выступал с позиции гуманизма, терпимости, защиты интересов страдающих меньшинств, а также против загрязнения окружающей среды и причинения вреда животным. Правыми объявлялись не те силы, что проводили наиболее выгодную крупному капиталу политику (либералы), а сторонники национальных традиций и интересов (понимаемых большей частью консервативно), противники неограниченной иммиграции из отсталых стран. Вне зависимости от их отношения к фашизму, они легко маркировались как неофашисты.

Неолибералы в этой системе выставляли себя как центристы. Однако в реальности они находились на правом краю. Это следовало из их политики, антисоциальной и враждебной развитию национального производства в большинстве государств. Потому критика неолибералов носила символически как левый, так и национально-консервативный характер. В ответ критиков обозначали как безответственных леваков, провалившихся в XX веке, и правых реакционеров — врагов прогресса, под коим понималась глобализация с диктатом «свободного рынка», дерегулирование, устранение социальных и трудовых прав. Эти права неолибералы всюду трактовали как избыточные, формирующие безынициативность и паразитизм со стороны обычных граждан.

Таким образом, неолиберальное правило деления на левых и правых искажало картину и помогало его создателям выставлять свою партию в лучшем свете, как якобы умеренную и прогрессивную. Классическое

деление такой форы неолибералам не даёт. Согласно нему, например, «Национальный фронт» Марин Ле Пен является партией лево-консервативного толка, поскольку отражает интересы рабочего класса, а вовсе не крайне правой неофашистской структурой. Однако этот пример не означает, что все европейские националисты могут быть причислены к левому флангу. Он скорее является исключением, дающим представление о ложности навязанных либералами маркировок. В то же время национальная ориентация части антилиберального протеста (особенно в ЕС), указывает не на его природный расизм, шовинизм и тому подобные пороки, а является ответом на атаку неолибералов против национального государства и связанных с ним социальных и трудовых прав, завоёванных ранее в его границах.

Однако это не отменяет продемонстрированного в последние годы в Европе и Северной Америке (возможно, исключая Британию) факта, что левые силы не готовы реализовать радикальную программу по преодолению социального и экономического кризиса. Именно поэтому в случае многих левых протестов может быть применён термин «бунт», означающий крайнее возмущение и непонимание того, как разрешить стоящие перед обществом задачи. Демонстрацией бессилия стало не только предательство греческой партией СИРИЗА своих избирателей, её полная капитуляция перед ЕЦБ, ЕС и МВФ, но ещё более — капитуляция Берни Сандерса перед старым правым руководством Демократической партии США в 2016 г. Он поддержал Хиллари Клинтон не только из-за нажима своего леволиберального окружения, но и, пожалуй, потому что не верил в исторический успех своей программы.

В результате события 2016 г. в Демократической партии оказались «левым бунтом», но не левой революцией. Черты этого бунта состояли в непоследовательности лидеров и непонимании ведомых активистов, куда дальше нужно двигаться от осознания необходимости перемен, готовности бороться за них и выражения негодования. Это бунт, в который были вовлечены средние слои (рабочий класс и мелкие собственники), оказался вовсе не тем анархистским бесчинством на уличных акциях антиглобалистов, к каковому привыкли наблюдатели в прежнюю (до 2008 г.) политическую эпоху. Аналогичное возмущение в Лейбористской партии дало иной результат. С ошибками, но начался процесс идейной и тактической адаптации команды Джереми Корбина к новым условиям.

Цикличность глобальной экономики: закат эпохи неолиберализма и поворот к новому экономическому курсу?

Выше уже было отмечено, что различные экономические меры были предприняты ещё на фоне первой волны кризиса 2007-2008 гг. Они достаточно хорошо описываются таким популярным в профильной публицистике термином, как «bastard Keynesianism», то есть «ублюдочное кейнсианство». Появления этого понятия стало результатом процесса, в ходе которого кейнсианские идеи были постепенно включены в идеологический и практический мейнстрим. Из всей концепции были заимствованы лишь определённые меры и инструменты, необходимые для преодоления последствий кризисных периодов. Напомним, что в целом идея Кейнса состояла в необходимости проведения контрциклической политики. Иначе говоря, Кейнс признавал, что экономика развивается циклами, поэтому государство также должно менять свою политику в зависимости от фазы цикла. Например, не допускать необоснованных инвестиций на повышательной волне и предотвращать массовую панику и резкое падение спроса — на понижательной. Эти принципы на практике не были реализованы максимально последовательно.

И как раз на фоне кризиса 2007–2008 гг. можно отметить рост популярности Экономического института Леви (Levy Institute) при Бард-колледже (Bard College) — центра, основанного вышеупомянутым Хайманом Мински и выражающего левые идеи в экономике. С этим центром сотрудничали также Джозеф Стиглиц и Янис Варуфакис.

Не вдаваясь в различные нюансы построений самого Мински и его учеников, можно сказать, что кризис, который начался в 2007–2008 гг., это именно тот кризис финансового капитализма, который был описан в классических левокейнсианских статьях и книгах ещё в 1980-х гг. Тогда выходили разные сочинения, включая «Stabilizing an Unstable Economy», где подробно пояснялось, что необходимо сделать, чтобы избежать кризисных последствий, чтобы капитализм, вошедший в финансовую фазу, не занимал-

ся бездумными инвестициями, которые в результате всё равно обвалятся. Поведение участников рынка таково, что, наблюдая позитивную динамику, они всё меньше внимания уделяют обоснованности очередных инвестиций. Рано или поздно это ведёт к накоплению избыточного, спекулятивного капитала, который сжигается, когда лопаются всевозможные пузыри. Напротив, когда это происходит, то предприниматели резко переходят к максимально консервативной стратегии, ещё сильнее зажимая и без того падающий спрос.

Здесь можно сделать важное замечание, посмотреть не на чередование левой и правой политики, а на общие экономические макроциклы. С их чередованием меняются не только правительства и конкретные идеологии. Меняется самосознание общества, в особенности — отношение к роли государства.

Последний такой цикл, который начался с рубежа 1970–1980-х гг., скажем так, неолиберальный цикл, был очень интересным, потому что он сопровождался идеологической переменой, когда государство представлялось как по большому счёту источник проблем. Нужно было дать побольше личной свободы, частной инициативы, сократив избыточное государственное регулирование, отказаться от перераспределения, и тогда всё само собой заработает.

Здесь важно уточнить, в чьих интересах будет осуществляться эта дерегуляция. И здесь мы входим на территорию практического неолиберализма, когда конкретные преобразования всегда осуществлялись в интересах отдельных групп, секторов экономики, групп влияния. Конечно, наибольшую выгоду из осуществлённых трансформаций извлёк именно финансовый капитал.

Любопытно, что в рамках этого макроцикла левые и правые тоже изменили свои места. Правые стали заметно радикальнее: они требовали проводить реформы максимально жёстко, масштабно и последовательно. Левые, если брать американских демократов или британских лейбористов, тоже включились в процесс, всё больше становясь центристами. С общим дискурсом никто не решался спорить, единственная существенная критика велась (и до сих пор ведётся) по поводу инклюзивности для меньшинств.

С 2008 г. неолиберальная система вступила в период кризиса Но задача изменения самого общества как такового не стоит. И всё бы неплохо, но с 2008 г. неолиберальная система вступила в период кризиса. Возможно, мы стоим на пороге нового цикла, в том числе экономического, где роль государства как инструмента решения проблем опять значительно возрастёт. И в этом случае вышеупомянутая нами новая левая политика окажется востребованной и, возможно, даже мейнстримной.

Заключение

Подведём итоги. Экономический кризис, первая волна которого прошла в 2008-2009 гг., привёл к резкому росту гражданского недовольства существующим положением дел в политике и экономике как в Европе, так и в Америке. В разных странах мира возникли типологически схожие протестные движения, которые требовали прекратить отчуждение элиты от общества, свёртывание общественного сектора экономики (и государства благосостояния) и выхолащивание демократических норм. В своей совокупности эти движения можно назвать прогрессистскими или лево-прогрессистскими. Они впервые в современной истории затронули, особенно в Европе, действительно широкие массы населения, в отличие от по большому счёту узко-сектантского антиглобалистского протеста в предыдущий период. Причина этому понятна — ухудшение экономического положения. Потому не будет большим преувеличением указать, что кризис разрушил безмятежное до этого общество потребления на Западе, и тем самым парадоксальным образом впервые превратил нынешнее поколение потребителей в граждан.

Гражданский протест вызвал к жизни новые политические силы, чья программа поначалу носила аморфно-негативистский характер и имела, по сути, анархистский акцент на протесте «против всех» (например, «Движение пяти звёзд» в Италии). Но во многих случаях программа этих протестных сил быстро получала отчётливо левую идеологию и направленность (СИРИЗА в Греции, «Подемос» в Испании и др.). При этом их отличала резко радикальная риторика и неприятие традиционных левых социал-демократических партий. Итогом этого процесса стал приход СИРИЗЫ к власти в Греции и высокий процент голосов у других схожих партий.

Впрочем, греческий опыт правительства СИРИЗЫ разочаровал многих сторонников левого поворота. Лидеры СИРИЗЫ смогли очень легко сочетать радикальную риторику с соглашательской реальной политикой. В результате слома неолиберального курса в Греции по большому счёту так и не произошло. Это привело к оттоку избирателей от партий левого поворота и в других странах, что позволило в какой-то момент говорить о том, что «левый бунт» оказался нежизнеспособным и был быстро абсорбирован старым неолиберальным мейнстримом.

Тем не менее гражданское недовольство неолиберализмом никуда не исчезло, но в 2016 г. его гораздо более эффективно, чем левые, стали использовать несистемные правые (или право-популистские) силы. Кульминацией этого процесса стала избирательная кампания и победа Дональда Трампа в США.

Впрочем, «правый бунт» в его чистом виде тоже оказался недолгосрочным. Трамп за год своего президентства по большому счёту так и не сделал ничего из радикальной части своей предвыборной программы. В результате трампизм как идеология правого протеста, в консолидированном виде представленный в его Геттисбергской и инаугурационной речах, оказался, по мнению многих, такой же иллюзией, как и идеология лево-прогрессистского протеста предыдущих лет.

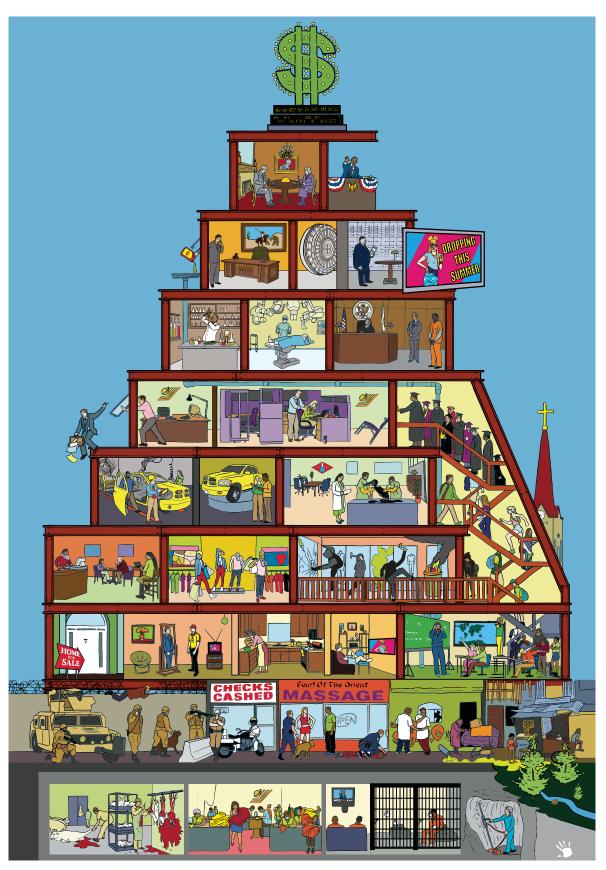
Несмотря на всё это, запрос на левый поворот в западном обществе не исчез. Свидетельство тому — политические события 2017 г.: президентские выборы во Франции и парламентские в Великобритании. Они усилили положение двух политических лидеров, с которыми теперь в первую очередь связывается левый поворот на Западе — это Джереми Корбин и Жан-Люк Меланшон. Если избрание Корбина лидером лейбористов в 2015 г. многими не воспринималось всерьёз, то по итогам выборов в июне 2017 г. ему удалось ощутимо усилить позиции своей партии в парламенте, а его программа «For the Many, Not the Few» поставила на повестку дня очень серьёзные вопросы о ренационализации «общественных благ» (public goods) и бесплатности доступа к ним для граждан. Этот выраженный левый курс, без всяких леволиберальных «третьих путей» эпохи Тони Блэра, показал, что у новой волны левого поворота есть чёткая радикальная программа.

Вместе с тем социально-экономическая ситуация в западном обществе привела к тому, что «классический» пролетариат Маркса и Ленина, которому «нечего терять, кроме собственных цепей», уже давно трансформировался в социальную страту/класс мелких собственников-потребителей, работающих по найму. Это, в свою очередь, привело и к эволюции традиционных левых социал-демократических партий, их инкорпорированию в неолиберальное смысловое поле, отчуждению левого интеллектуального дискурса от реальной политической практики, «третьему пути» и т.п.

И в тот момент, когда кризис, повторим, впервые сделал из этих потребителей граждан, их протест поначалу носил вышеупомянутый анархонегативистский (и часто наивный) характер. Но при этом этим мелким собственникам, работающим по найму, как оказалось, есть, что терять в условиях радикальных преобразований: дома, квартиры, машины, ипотеки, счета в банке и пр. Даже малейший намёк на банковский кризис в Греции и на Кипре (а сейчас намёк на экономические трудности при отделении Каталонии) привёл к тому, что протестный потенциал этого социального слоя очень быстро приутих. «Затянуть пояса» ради слома неолиберальной системы они оказались не готовы. Но глухое недовольство никуда не делось.

Такая ситуация, помимо прочего, привела к тому, что в этой социальной среде сложилась почва для одновременного восприятия как левых, так и правых идей. Левая повестка здесь выражается в расширении доступа к общественным благам, на чём очень чётко сделал акцент Корбин, а правая — в защите национального рынка труда (от мигрантов) и рынка сбыта (от транснациональных корпораций), что в случае Европы дополняется защитой от диктата Брюсселя и евроскептицизмом. В итоге политические ожидания этого широкого слоя мелких собственниковпотребителей, работающих по найму, делают реально востребованным право-левый синтез. Тем самым, правый бунт и левый бунт в восприятии этой социальной группы могут сомкнуться.

В политических событиях последних лет мы отчётливо видели это на практике. В докладе Международного дискуссионного клуба «Валдай» о трампизме подчёркивалось значительное количество левых идей, которые Трамп использовал в своей предвыборной кампании. И здесь они пересекались с программой Сандерса. То же самое мы видели и во Франции, когда сначала «Национальный фронт» перехватывал многие левые лозунги,

Публикация на сайте crimethinc.com

а затем Меланшон, в свою очередь, перехватывал их у «Национального фронта». Отнюдь не случайными в этой связи выглядят и обвинения Меланшона в популизме, в восприятии им правой повестки, со стороны традиционных леволиберальных интеллектуалов Франции из их «башен из слоновой кости» в университетах и СМИ. Но успех Трампа и относительный успех Меланшона (на фоне обвального падения рейтингов Макрона) показывают, что право-левый синтез идей (и право-левый «бунт») как раз и отвечает чаяниям этого социального слоя мелких собственников-потребителей.

Но при всём этом есть в нынешнем западном обществе слой классического в марксовом смысле пролетариата, у которого «нет ничего, кроме цепей» — это рабочие-мигранты. И здесь мы видим практически вакуум и никем не занятую нишу их политического представительства. Ни традиционные социал-демократы, ни новые лево-прогрессистские движения не горят желанием защищать интересы мигрантов (хотя именно здесь мы видим поле для опять же классической левой политики). Более того, многие левые партии, как старые, так и новые, в этом вопросе гласно или негласно выражают, скорее, право-охранительную линию, тем самым ещё раз подтверждая право-левый синтез ожиданий их основного электората. Этот вакуум представительства, помимо прочего, приводит к отсутствию каналов по реальной интеграции мигрантов в принимающее общество и, как следствие, к их радикализации. Поскольку всё большее число мигрантов в итоге получает вид на жительство, что в Европе, как правило, даёт право голосовать на местных выборах, а затем и полноценное гражданство, то отчуждение от них левых партий в перспективе создаёт угрозу устойчивости всей политической системы.

В целом можно сделать вывод, что потенциал для левого поворота в западном обществе сохраняется. Так, 2017 г. показал, что многие лидеры и программы, выражающие эти идеи, пользуются поддержкой избирателей, и недовольство граждан неолиберальным мейнстримом никуда не делось.

